

Борис Гладарев

Трудовые стратегии и изменения повседневной жизни в трансформирующемся обществе

[1]

Современное российское общество социологи относят к так называемым трансформирующимся обществам. Для таких социумов характерна масштабная социально-экономическая динамика: происходящие в них изменения охватывают все стороны жизни граждан. Данная статья посвящена анализу трудовых стратегий, прямо связанных с важнейшей частью повседневной жизни -- работой и сменной профессией. Под трудовой стратегией мы понимаем совокупность и последовательность действий людей, позволяющую им наиболее удовлетворительно, с их точки зрения, сохранять или улучшать свой социально-экономический статус.

Понятия и категории, используемые в статье, нельзя назвать вполне устоявшимися, но отсюда не следует, что их использование носит неопределенный или приблизительный характер... В частности, употребляя слово "стратегия", мы не имеем в виду, что люди сознательно планируют свое поведение. В условиях реформ оно довольно часто имеет ситуативный характер. Однако почти каждый человек способен дать рациональное (или квазирациональное) объяснение своих действий, а большинство людей имеет представления о своем желательном поведении в будущем, которые и реализуются в практиках повседневной жизни[2].

Мы предложили нашим информантам сравнить их повседневную жизнь в советское время и в момент опроса (1999 год). Анализируя их рассказы, мы пытаемся ответить на следующие вопросы:

1. Какие изменения произошли в трудовых стратегиях представителей шести массовых профессий "советского среднего класса"?
2. Какие типы трудовых стратегий можно выделить?
3. Как изменения трудовых стратегий повлияли на организацию повседневной жизни?

1. Изменения в трудовых стратегиях "советских специалистов"

Объектом данного исследования является социальный слой, который в дореформенный период представлял собой некую общность, называемую "советской интеллигенцией" (или "советскими специалистами"). Эти люди получили высшее образование, а затем -- через советский институт послевузовского распределения -- работу по специальности. Условно эту социальную среду, для которой был характерен определенный образ жизни, материальные и культурные потребности, можно назвать "советским средним классом"[3].

В советское время трудовые стратегии наших информантов существенно не различались, да и не могли различаться. Все эти люди -- врачи, инженеры, учителя, ученые, чиновники, военные -- были ограничены в своих действиях рамками КЗоТа и правилами тех учреждений, где они работали. Постепенный карьерный рост, сопровождающийся ростом зарплаты, слабая горизонтальная мобильность и, по возможности и желанию, приработки в неформальном секторе -- таковы общие признаки трудовых стратегий исследуемой группы в тот период.

Конечно, все они ориентировались на разные комплексы ценностей. Для одних была важна карьера и профессиональный успех, другие стремились к материальному достатку, для третьих основной ценностью была семья, работа же воспринималась как досадная необходимость. Однако эта разнонаправленность не порождала существенных различий трудовых стратегий, поскольку государство их усредняло. "Золотая середина" располагалась где-то между коммунистическими лозунгами о "величии трудового подвига" и реальными практиками тех, от кого этого подвига ждали. Идеология советского общества была "трудоцентристской", труд в ней имел священный, сакральный смысл[4], но на деле часто воспринимался как предписанная государством обязанность и как жесткая норма существования в социалистическом государстве. При этом под запретом оказывались и наиболее пассивные (неучастие в труде), и наиболее активные (частное предпринимательство) варианты занятости[5]. Рабочая сила лишалась свойств товара -- соответственно, отрицалось существование при социализме рынка труда[6]. Рабочих мест было предостаточно, существовал искусственно созданный дефицит рабочей силы. Горизонтальная трудовая мобильность не поощрялась. Престижно было проработать всю жизнь в одной организации. Длительная принадлежность к одной организации стимулировалась набором разнообразных льгот и привилегий. Коллективистские ценности ставились выше индивидуалистических. Заработок часто не считался основной ценностью: работа должна быть интересной, а уже потом -- хорошо оплачиваемой.

Нас ведь как воспитывали: работа должна удовлетворение приносить прежде всего, а уж сколько там платят -- уже второй вопрос. Получали-то все одинаково. Хотя, конечно, хотелось, чтобы и то и другое, то есть и чтоб интересно, и чтоб зарплата высокая была... (ученый, муж., 1947 г. р.)

Степень социальной защищенности была достаточно высокой, уволить человека из-за профессиональной непригодности по советскому КЗоТу было сложно:

Сейчас уволить человека значительно проще, чем раньше. Раньше уволить человека -- это была жутчайшая проблема... невыполнимая задача. Настолько человек был защищен профсоюзом, разнообразными КЗоТами, что увольнение было проблемой. Поэтому человек мог пить кофе всю жизнь, ничего не делая. (инженер, муж., 1950 г. р.)

С началом реформ ситуация стала изменяться. Прежняя система распределения материальных благ начала разваливаться на глазах. Стали возможны "неплатежи" и административные неоплачиваемые отпуска, постепенно исчезли профсоюзные льготы, покупательская способность "советских специалистов" резко снизилась (сначала из-за тотального дефицита, затем, начиная с 1992 года, -- из-за введения рыночных цен). В устоявшийся жизненный мир исследуемой группы вторглись новые системные правила, и в этих условиях привычные трудовые стратегии также стали угрожающе неадекватными. Постепенно разрушались обычные практики повседневной жизни, и это вызвало у многих представителей "советской интеллигенции" культурный шок. Люди вспоминают времена павловской и гайдаровской реформ как исключительно тяжелый период:

Я очень человек эмоциональный. И у меня, когда случилась (социально-экономическая реформация. -- Б. Г.) в восемьдесят девятом -- девяностом... было очень тяжело. Было так вообще... просто жутко. Тяжело было, прямо жить не хотелось. (ученый, жен., 1950 г. р.) Эмоциональный стресс был вызван не столько снижением уровня социальных гарантий или понижением материального стандарта жизни, сколько изменением правил функционирования общества. Для большинства "советских специалистов" внедрение рыночных механизмов (особенно на рынке труда) стало неприятной неожиданностью. Вдруг оказалось, что их профессиональный капитал не является реально конвертируемым, то есть, образно выражаясь, новая Россия больше нуждалась в менеджерах, продавцах и рэкетирах, чем в "советской интеллигенции". Статус некогда престижных профессий резко изменился. Приведем еще одну цитату из того же интервью:

Мне было очень сначала тяжело. Как-то вот это унижение пережить... Получается, что все, кто и образования никакого не имел, и культуры-то никакой... они из-за того, что у них полные карманы денег... они на тебя смотрят, как это... Вот эти моменты, когда резко вот это изменилось. (ученый, жен., 1950 г. р.)

Впрочем, несмотря на понижение статуса рассматриваемых профессиональных групп, "советские специалисты" по-прежнему гордятся своим профессиональным потенциалом, идентифицируют себя со своими профессиями и своими трудовыми стратегиями:

Вопрос: Это удовольствие или скорее привычка?

Ответ: Работа? Я получаю удовольствие от работы. Я не хожу на работу как идут на каторгу и никогда не проклинаю свою работу. Не кричу: "А! Как мне не хочется идти на работу! Когда это закончится! Скорее бы пенсия!" Такое можно часто услышать от наших женщин там... и прочее. Я не из той породы, которая будет кричать, как не хочется работать. Ну не хочется -- и не работай. Противно работать -- ну найди другую. Я думаю, что опять-таки если бы... не удовольствие от работы, тогда я не оставался бы в школе. (учитель, муж., 1961 г. р.)

"Удовольствие от работы", привязанность к коллективу, к сложившемуся укладу жизни, неприятие новых правил социального устройства - подобные мотивировки своего нежелания изменять привычные трудовые стратегии приводили многие информанты.

Действительно, несмотря на кардинальные изменения социально-экономических условий, многие из наших информантов нашли возможности для сохранения прежних трудовых практик и продолжают придерживаться сформировавшихся в советское время стратегий на рынке труда. Было выделено четыре типические ситуации, когда реализуется подобное трудовое поведение.

Первый вариант связан с высокой профессиональной квалификацией информанта. В такой ситуации "советский специалист" востребован на новом рынке труда, его знания и профессиональные навыки необходимы либо государству, либо негосударственному сектору, его зарплата своевременно индексируется, его социальный статус не только не понижается, но даже может расти. Например, случай врача-гинеколога (жен., 1934 г. р.), которая продолжает работать по специальности, не испытывая при этом ни экономических, ни статусных лишений. Она находила возможности подрабатывать как в советское время, так и сейчас, рыночные трансформации существенным образом не повлияли на ее трудовую стратегию. Еще один случай: филолог-русист (муж., 1951 г. р.), несмотря на все трудности переходного периода, продолжал свою исследовательскую работу, был назначен ученым секретарем своего института, и этот статус дал ему возможность делать высокооплачиваемые лингвистические экспертизы для юристов. Этот вид профессиональной деятельности значительно укрепил материальное положение его семьи.

Другая типичная ситуация, в которой "советские специалисты" могут сохранять привычную трудовую стратегию, складывается тогда, когда кто-нибудь из членов их семьи зарабатывает достаточно, чтобы позволить другим не вносить значительных изменений в трудовые практики. Например, одна из наших информанток (учительница, 1959 г. р.), воспитывая без мужа несовершеннолетнего сына, продолжает работать в средней школе (на момент интервью ее зарплата составляла примерно 1200 рублей). Она не собирается изменять свою трудовую стратегию, поскольку живет вместе со своим отцом, чья высокая зарплата компенсирует ее низкий доход.

Третий тип ситуации, в которой нет необходимости срочно изменять трудовую стратегию, характеризуется использованием широких социальных сетей, приобретающих особое значение в переходных условиях^[7]. Через них осуществляется помощь и поддержка (материальная, информационная, эмоциональная и пр.). Многие "советские специалисты" опираются на такие сети, используя свои связи для поиска более престижной работы в рамках своей специальности, получения кредитов, бесплатной медицинской помощи, дополнительных заработков и пр. Сети помогают справиться с множеством проблемных ситуаций. Особенно успешно они работают там, где малоэффективны формальные институты, например при трудоустройстве. Показателен случай офицера (муж., 1949 г. р.), который, говоря о своем статусе, особо подчеркивал наличие широких сетей, рассматриваемых им в условиях перемен как реальный капитал:

Вот поэтому я считаю свое социальное положение достаточно высоким. Вот год-два назад мы разговаривали с женой, я собирался увольняться, и она говорит: "Ой, а где же ты будешь работать?" Я говорю: "Ты меня можешь представить безработным?", она говорит: "Сложно", я говорю: "Я себя могу представить безработным утром. Вечером я буду работать". Вот я когда увольнялся, для меня это достаточно показательно, то люди, зная, когда я увольняюсь, что я уже увольняюсь и все... ну, во всяком случае пять предложений мне было влет, я выбрал там что-то... Для меня это было самое важное, вот чисто такое... в социальном плане, кстати сказать, когда не ты ищешь работу, а тебе предлагают ее.

Наличие значительного сетевого ресурса позволило информанту при увольнении из вооруженных сил не только сразу найти работу, но и выбрать из нескольких предложений наиболее приемлемое.

Четвертый тип ситуации, в которой не наблюдается изменения трудовой стратегии, несколько отличается от трех предыдущих. В этом случае люди просто не хотят каким-либо образом стабилизировать изменившийся под влиянием реформ ход жизни. Один из информантов (инженер, муж., 1946 г. р.), несмотря на сокращение объемов работ на его предприятии (последние два года они работали по три дня в неделю) и хроническую задержку зарплаты (на момент интервью она составляла четыре месяца), не искал дополнительных заработков и не пытался сменить работу, а приспособивался к новым жизненным условиям с помощью самоограничения и экономии. Он отказался от борьбы за высокооплачиваемую работу и социальный престиж -- те блага, которых добиваются другие. Люди, ориентированные подобным образом, по-видимому, не готовы жертвовать привычным укладом и не желают изменять объем и характер труда ради успешного приспособления к новым условиям. Они не могут принять изменившиеся правила и в буквальном смысле "выживают" -- за счет самоограничения.

Однако далеко не все "советские специалисты" смогли сохранить свои прежние трудовые стратегии. Большинство наших информантов рассказывают, что в новых условиях они были вынуждены внести в свои трудовые практики многочисленные изменения (вынужденный характер подобных изменений отмечают и другие исследователи[8]). Отсутствие практической возможности "жить как раньше" подтолкнуло "советских специалистов" к поиску новых, а также к интенсификации привычных форм трудового поведения.

Стремление адаптироваться к новой ситуации и сохранить привычный уровень материального благосостояния привело к расширению объемов занятости и широкому распространению "совместительства". Оно существовало и в советский период, однако жестко ограничивалось государством и было менее актуально для советского среднего класса, который то же государство обеспечивало "пакетом социальных гарантий". После крушения советской власти и перехода к рыночной экономике вторичная занятость (она же "совместительство") получила тотальное распространение[9].

В ходе исследования было установлено, что вторичная занятость "советских специалистов", продолжающих работать по специальности, имеет три основные формы:

- освоение новых, востребованных видов деятельности вне основного места работы;
- увеличение объемов основной деятельности по месту работы;
- самозанятость.

Первую форму реализуют инженеры, ремонтирующие бытовую технику, ученые, охраняющие автостоянки, военные, занимающиеся "извозом", и т.п. Часто их "дополнительный" заработок в несколько раз превосходит зарплату, получаемую на основном (официальном) месте работы. Среди наших информантов был инженер (муж., 1950 г. р.), который помимо работы в своем НИИ успевал подрабатывать в нескольких местах: охранял стройбазу, аптеку, а также строил дачные дома. Его совокупный доход от дополнительной занятости превышал основную зарплату в пять раз[10].

Вторую форму реализуют люди, пытающиеся сохранить прежний уровень жизни с помощью простого увеличения объема труда на основном месте работы. Это учителя, которые берут больше классных часов, врачи, работающие по несколько смен подряд, инженеры, взваливающие на себя дополнительную техническую работу, и т. п.

Третьей формой вторичной занятости "советских специалистов" можно считать самозанятость. Речь идет о людях, которые, не находя других возможностей для поддержания привычного уровня жизни, превращают свои хобби в экономическую деятельность. Например, одна из наших информанток (1950 г. р.), инженер оборонного предприятия, в свободное время занимается шитьем и вязанием, сдает свою продукцию в магазин и тем самым обеспечивает семье прожиточный минимум. Некоторые ловят рыбу или собирают грибы на продажу. Ярче всего стратегия самозанятости проявилась в повальном увлечении садоводческой деятельностью в первой половине девяностых годов. Почти треть жителей Петербурга владеет загородной собственностью[11]. Люди стараются восполнить недостаток семейного бюджета, выращивая овощи и фрукты на огородах, в дачных и садоводческих хозяйствах[12].

Таким образом, для "советских специалистов", продолжающих работать по специальности, основным направлением изменения трудовой стратегии стало "совместительство", которое осуществляется в свободное время. В рамках индивидуальной трудовой стратегии формы "совместительства" обычно носят комплексный характер. Множественность и хаотичность источников дохода -- характерная особенность современной российской ситуации[13]. Человек может параллельно увеличить объем труда на основном месте работы, время от времени брать "халтуру" не по специальности и активно заниматься, например, огородничеством. С помощью подобной стратегии "советские специалисты" пытаются ответить на "вызов", который социально-экономическая трансформация бросила их повседневной жизни. Итак, отвечая на вопрос, какие изменения произошли в трудовых стратегиях представителей шести массовых профессий "советского среднего класса", можно сказать, что:

- потребность изменить трудовую стратегию возникла не у всех "советских специалистов", поскольку многие из них оказались в условиях, когда в таком изменении не было необходимости, так как их профессиональные качества, экономически устойчивое положение семьи или широкие социальные сети позволили им сохранить привычную стратегию;
- изменения трудовых стратегий представителей исследуемой группы происходят за счет расширения практик "совместительства", которое может иметь разные формы;
- сохранение прежней, характерной для советского времени трудовой стратегии без попыток стабилизировать ситуацию с помощью дополнительной занятости, социальных сетей, внутрисемейных ресурсов приводит к снижению социально-экономического статуса и неизбежным практикам самоограничения.

2. Типы трудовых стратегий "советских специалистов"

Большинство типологий, фигурирующих в социологической дискуссии, опирается на анализ групп населения, различающихся по уровню образования, возрасту, территории проживания. Наша задача была более узкой: мы изучали трудовые стратегии в шести профессиональных группах, которые для простоты объединили в одно целое. Действительно, все представители этих групп не моложе 40 лет, имеют высшее образование, продолжают работать по специальности и живут в большом городе. Когда-то они составляли сравнительно однородный слой "советского среднего класса". Эти люди социализировались под влиянием правил и норм уже несуществующего государства, и вопрос об их трудовом поведении в новых условиях весьма важен для понимания динамики реформаторского процесса в России.

Анализ интервью показал, что в настоящее время бывшие "советские специалисты" осуществляют свою трудовую деятельность в русле двух основных стратегических направлений:

- А: сохранение привычной трудовой стратегии за счет высокого профессионализма, опоры на социальные сети или использования внутрисемейных ресурсов, а иногда -- за счет самоограничения;

- Б: видоизменение привычной трудовой стратегии и адаптация к новым условиям с помощью дополнительной занятости ("совместительства").

Стратегии группы А и группы Б являются ответом представителей "советского среднего класса" на вызовы стремительно меняющейся социальной системы российского общества. Далеко не все "советские специалисты" торопятся подчинять свою повседневную жизнь новым социально-экономическим правилам. Тем не менее трансформационные процессы коснулись почти каждого. Возникает естественный вопрос: как изменения трудовых стратегий повлияли на организацию повседневной жизни?

3. Влияние трансформации трудовых стратегий на повседневную жизнь "советских специалистов"

а) Изменения в трудовом режиме

В этой части рассмотрены случаи только тех информантов, которые практикуют стратегии Б-группы, поскольку повседневная жизнь акторов, действующих в рамках стратегий А-группы, если и изменилась, то в меньшей степени и по другим основаниям. Можно утверждать, что перемены в социально-экономическом устройстве общества оказали значительное влияние на организацию повседневной жизни "советских специалистов", использующих "совместительство" (а таких среди информантов большинство). Ее привычное течение было нарушено, поскольку повседневность конституируется стандартным временем трудовых ритмов^[14], а трудовой ритм изменился вместе с трансформацией трудовой стратегии.

В частности, многие информанты говорили об увеличении объема труда по сравнению с советским периодом. Ситуация определялась следующим образом: работать стали больше, а получать -- меньше. Ученый-физик (муж., 1947 г. р.), совмещающий дополнительную работу в своем институте с "халтурой" на стройках, так ответил на вопрос о доходах:

Благодаря тому, что сейчас я работаю интенсивно, практически на трех работах одновременно, а тогда работал на одной, он (доход. -- Б. Г.) примерно позволяет сохранять тот уровень жизни, который был тогда. Мы не упали вниз, даже чуть поднялись. Чуть-чуть. Но не упали.

"Советские специалисты", изменившие стратегии, стали более бережно относиться к времени, так как его можно использовать для дополнительных заработков. Раньше в большинстве советских учреждений соблюдался строгий режим присутствия. Даже если работы не было, люди не могли покинуть рабочее место до "звонка" (исключение составляли ученые академических учреждений). Время не было экономической ценностью, поскольку заработная плата почти не дифференцировалась в зависимости от объема выполненной работы. Теперь, в рыночных условиях, время стало капиталом, вследствие чего изменился и режим работы. Он приобрел большую гибкость, вариативность -- ведь в условиях рынка важен результат труда, а не затраченное время, тогда как в советский период фактически получалось наоборот. Теперь люди получили больше возможностей распоряжаться своим рабочим временем. В данном контексте интересен рассказ одного из информантов, инженера ВПК почти с 30-летним стажем работы:

... Человек мог пить кофе всю жизнь, ничего не делая. Иногда подойдешь к девушке, спросишь: "Ну как, Сима, в чем дело?" -- "А почему я должна по-другому, а остальные как же?" И эта вот оглядка на остальных -- интересный момент. Мне кажется, это черта, что ли, чисто нашего общества была? Очень важно было, как ведет себя коллектив. И поведение коллектива определяло поведение личности. Вопрос: А сейчас?

Ответ: Сейчас это во многом осталось. Я, например, работаю в фирме, которая принадлежит ВПК, и поэтому психология во многом осталась. Но, например, в новых фирмах, где работают мои друзья, атмосфера радикально другая, то есть просто ничего общего нет. (муж., 1950 г. р.)

Итак, произошел переход от советской "отсидки" на службе, когда работавших "было меньше, чем тех, которые пили кофе", к капиталистической интенсификации труда: "их (людей, пьющих кофе. -- Б. Г.) практически не осталось, потому что их никто не держит". Однако, по свидетельству информанта, и сегодня существуют структуры, воспроизводящие советские трудовые практики: там "психология во многом осталась", тогда как в новых, рыночно ориентированных структурах "атмосфера радикально другая".

Вероятно, те, кто "продолжает пить кофе" во время рабочего дня, могут позволить себе следовать стратегиям группы А. Сам информант такой возможности для себя не видит и потому использует для дополнительных заработков любое свободное время -- даже ночь, когда он охраняет аптеки (стратегия группы Б).

В новых условиях люди стали более ответственно относиться к своей работе, потерять которую стало намного проще. Правда, современный КЗоТ во многом основан на советском законодательстве и вроде бы защищает права трудящихся, но страх перед безработицей настолько силен, что заставляет "советских специалистов" повышать уровень трудовой ответственности. Начальник производства крупного петербургского предприятия свидетельствует:

Сегодня ответственность намного выше стала, и люди понимают, что если что-то натворил, то завтра можно не спрашивать деньги, поскольку ты сам соучастник. (инженер, муж., 1949 г. р.)

Люди начинают понимать, что от качества выполняемых работ во многом зависит размер заработной платы. Иначе говоря, дисциплина государственного контроля сменилась дисциплиной экономической целесообразности. Трудовое поведение становится рациональнее. Это нашло отражение в ответах наших информантов.

Вопрос: А в чем изменилось отношение к труду? Ответ: Ну... подспудно сразу возникает вопрос: а что я за это буду иметь? Раньше такого не было. (инженер, муж., 1947 г. р.)

Трудовое поведение становится более рациональным. Однако эта рационализация частична, поскольку вызвана не внутренней потребностью, а навязанной извне необходимостью. Человеку трудно смириться с тем, что его жизненный проект, успешно осуществлявшийся в советское время, теперь нуждается в корректировке. "Советские специалисты" привыкли жить в обществе, не поощряющем индивидуальную инициативу, ориентированном на коллективное взаимодействие и взаимопомощь. Ожидая внешней (прежде всего государственной) поддержки, они не могут самостоятельно двигаться по социальной лестнице. Они социализировались в государстве широких социальных гарантий и стабильных доходов, где труд был не столько деятельностью, направленной на достижение

результата, сколько самодовлеющим процессом, а горизонтальная трудовая мобильность была ограничена. Похоже, стереотипы мышления, нормы социального поведения и жизненные стратегии обладают инерцией, поэтому привычный уклад жизни разрушается под усиливающимся воздействием новых правил весьма медленно, постепенно.

б) Изменения во временном и пространственном режиме повседневной жизни, а также в режиме общения

Изменяя трудовую стратегию под влиянием новой, более жесткой экономической дисциплины (а отчасти, возможно, и возраста), информанты изменяют и свою повседневную жизнь. Они не могут сохранять прежние практики. Изменение одной из них (в данном случае трудовой) неизбежно влечет за собой изменение остальных, ведь все это звенья единой цепочки.

Увеличение объемов и интенсивности труда, наряду с объективными факторами возрастной усталости, взрослением детей и т. п., приводит к изменениям в организации повседневной жизни. Естественным образом сокращается количество свободного времени, изменяются способы его проведения. Если раньше после работы и в выходные "советские специалисты" старались "культурно проводить время" в музеях, театрах, кино или турпоходах, то теперь они проводят больше времени дома (например, с семьей перед телевизором), на садовых участках или занимаются дополнительной работой.

Вопрос: А что после работы?

Ответ: Ну, если летом, это огород.

Вопрос: Сразу же?

Ответ: Сразу же, да, бегу на огород. Раньше это был непременно театральный сезон, потому что не проходило, наверно, премьеры, которую бы я не видела, это все было обязательно, я не могла даже себе представить, что я этого когда-то не буду делать. (инженер, жен., 1941 г. р.)

Информантка признает, что ее практики проведения свободного времени претерпели такие изменения, которых она раньше не могла себе представить. Можно предположить, что смена театрального сезона сельскохозяйственным произошла в основном по экономическим причинам. Поскольку зарплаты информантки не хватает на обеспечение прожиточного минимума, она вместо посещения премьер производит на своем огороде необходимые ее семье овощи и фрукты, т.е. осуществляет Б-стратегию через самозанятость. По ее уверениям, однако, подобная метаморфоза произошла из-за смены личных интересов (а не из-за отсутствия денег, которых теперь не хватает не то что на билеты в театр, но и на банальные овощи).

Впрочем, некоторые "советские специалисты", несмотря на общее снижение экономического и социального статуса своей профессиональной группы, продолжают сохранять прежние, сложившиеся в советское время досуговые практики. Например, одна из информанток (ученый, 1950 г. р.) по-прежнему позволяет себе не тратить свободное время на извлечение дополнительных доходов, хотя ее зарплата ненамного превышает зарплату вышеупомянутого инженера.

Вопрос: Вы интересуетесь искусством?

Ответ: Да, очень. Это бывает два раза в месяц, занятия эти (информант посещает занятия по искусствоведению при Эрмитаже. -- Б. Г.)... Два раза в неделю я хожу бегать в ЦПКО. Занимаюсь очень давно тоже, с восьмидесяти третьего года. Как защитилась, стала плохо себя чувствовать, ну, видимо, такой стресс был. И сразу начала заниматься, сначала на стадионе Петровском, потом группу эту перевели туда. И я морж.

Вопрос: Купаетесь зимой?

Ответ: Весь год.

Вопрос: Давно начали?

Ответ: Все с восьмидесяти третьего года. И филармония. Так что я активная (смех). Поэтому еще где-то подрабатывать... надо тогда вообще себя лишить жизни и только этим заниматься, понимаете. Может быть, я и не права.

Информантка имеет возможность не думать о выживании на зарплату ученого и тратить время на свои хобби, так как ее муж успешно занимается бизнесом (пример использования внутрисемейного ресурса в рамках А-стратегии).

Сокращение свободного времени и недостаток средств не позволяют значительной части "советских специалистов" воспроизводить привычные отпускные практики. Уже упоминавшийся нами инженер ВПК (муж., 1950 г. р.) так отвечает на вопрос о своем отпуске:

Вообще отпусков нет. Как только я перешел в "Гранит", отпуска пропали из жизни. Потому что там... ну, мы же занимались испытанием нового самолета, подготовкой к испытаниям, некогда идти в отпуск. Мне, например, не позволяет ритм работ идти в отпуск. Я три года работал без отпуска вообще.

Пример отсутствия привычного отпуска по финансовым причинам:

Вопрос: А как в последние годы у вас проходит отпуск?

Ответ: У меня отпуска практически... он есть и его нет, так как поехать невозможно куда -- денег просто на это нет. Я стараюсь подрабатывать, я здесь два года подрабатывала черным образом -- работала на Северном рынке в ларьке (инженер, жен., 1941 г. р.).

Пространственная мобильность для многих наших информантов в настоящих условиях весьма ограничена или просто невозможна:

Отпуск... если ранее он проходил меньше, так скажем, в тех местах, где ты работаешь в течение года, то теперь, наоборот, больше в Ленинградской области, меньше поездок к своим родственникам. Очень привязаны к садоводческим участкам. Это отпуск. (учитель, жен., 1951 г. р.)

Традиционные представления об отпуске как обязательном удалении в пространстве от места проживания и работы вступили в противоречие с постсоветскими реалиями повседневной жизни "советских специалистов". Санатории и пансионаты пришли в упадок или стали непомерно дороги. Популярный в определенной среде туризм требует значительных денежных средств и физических усилий, на которые многие наши информанты стали просто не способны в силу возраста. Интересно, что значительная их часть предпочитает сокращать количество отпускного времени, но улучшать качество отдыха. Реформирование советской системы, с одной стороны, привело

к появлению новых способов проведения отпуска, например за границей, и некоторые наши информанты использовали такую возможность. С другой стороны, мода на проведение отпуска за рубежом ("пусть недолго, но в достойных условиях") быстро пошла на убыль после обвала рубля в августе 1998 года.

Материалы интервью демонстрируют угасание очень важной для "советской интеллигенции" практики "общения". Эта форма времяпрепровождения ранее была весьма популярна. Существовала развитая "гостевая культура" со своими правилами и этикетом. Отсутствие возможности по-прежнему соблюдать эти правила (например, приносить бутылку вина или торт, приходя в гости), а также сокращение свободного времени привело к уменьшению объема общения. Информанты объясняют это разными причинами. Учитель средней школы (муж., 1961 г. р.) считает, что люди меньше общаются из-за ухудшения их материального положения:

Общение изменилось. Раньше все-таки больше общались. Больше общались в силу финансовой независимости, потому что прийти в гости можно было спокойно, зная, что ты этим не обременяешь ни других, ни себя. Сегодня такое в общем-то невозможно. Поэтому общение сокращается. Эти гости, эти застольные беседы, эти кухонные разговоры, чего так боялось в свое время политбюро, они теперь с помощью экономических рычагов уничтожены.

Другая информантка, (врач-терапевт 1954 г. р.), объясняет уменьшение объемов общения отсутствием свободного времени, а также возрастными изменениями:

Вопрос: Отличаются нынешние праздники от тех, которые были раньше, в советское время?

Ответ: Ну в общем-то нет, но как-то сейчас получается, что все больше заняты, может быть, у всех меньше времени. Раньше как-то, наверное, подольше было, чаще встречались. Я помню, что раньше мы больше и чаще танцевали, сейчас поменьше. Может быть, потому что мы постарели.

В качестве главной причины может называться и разрушение прежней социально-экономической структуры, вызвавшее распад дружеских, соседских и трудовых сообществ.

Вопрос: Дима, скажите, каких людей вы считаете вашим кругом, как вы их определяете?

Ответ: Да, это вопрос серьезный... Круг изменился здорово, просто колоссально изменился. Раньше все были одинаково бедные, и все были связаны энтузиазмом научной работы. Очень много, благодаря тематике особенно, мы собирались семьями, мы праздновали дни рождения. Вот, скажем, мартовские и майские -- на эти праздники собирался весь коллектив, и мы, как правило, выезжали на природу. И благодаря тому, что мы так вот общались, мы достигли очень серьезных высот в области прогнозирования разрушения. И есть ребята, один из них ушел в "Газпром", там заведует отделом по диагностике газопроводов труб, другой стал заведующим лаборатории в Центральном котлотурбинном институте, в отделе труб, все кандидаты. Который в "Газпроме", доктором скоро будет, наверное... Был такой круг, было общение. Вот эта перестройка и эта вот финансовая, так сказать, граница -- когда мы жили свободно, не думая о хлебе насущном, и когда стали вынуждены зарабатывать деньги -- она как-то расколола нас и разбила, потому что кто-то смог, кто-то не смог уже принимать участие в таких мероприятиях, кто-то ушел из науки... кто в бизнес торговый... кто в страховые компании, кто куда разбежались. Физтех не мог всех прокормить, это люди, у которых не было степеней. Они еще не защитились, у них там восьмой разряд, девятый, это такие маленькие деньги, 400 рублей. Просто мрак. Ну, вот кто занялся торговлей, те, конечно, по-своему -- кто поднялся, кто опустился. Кто-то спился просто.

Говоря о своем социальном круге, ученый-физик (муж., 1947 г. р.) фактически описывает процесс его разрушения. Ушло былое единство. Кто-то в результате смены стратегии поднялся на более высокую экономическую ступень, чей-то уровень жизни, наоборот, понизился. Исчезла былая общность интересов, равенство материальных возможностей.

По-видимому, изменение режима общения вызвано совокупностью причин, упоминаемых информантами. Это и сокращение свободного времени, и недостаток материальных возможностей, и разрушение существовавших ранее сообществ, и возрастные изменения. Некоторые информанты отмечают, что с возрастом стало слабее само желание общаться. Инженер-технолог (муж., 1947 г. р.), на 30-летие которого когда-то собиралось около 50 человек гостей, теперь живет в первую очередь общением с семьей. Остальные (друзья, коллеги по работе, соседи по дому и по даче, бывшие сослуживцы) его уже не очень интересуют.

Итак, изменения повседневной жизни "советских специалистов" имеют комплексный характер. Невозможность осуществлять привычную трудовую стратегию заставляет трансформировать временной и пространственный режим, сокращать объемы коммуникации. Подобная ситуация характерна для информантов, реализующих прежде всего стратегии Б-группы. У тех, кто придерживается привычной А-стратегии, повседневные практики не претерпели значительных изменений.

Завершая анализ процесса реконструкции современных трудовых стратегий "советского среднего класса", необходимо подчеркнуть, что вопреки нарастающему давлению нового общественного порядка "советские специалисты" упорно стараются сохранить привычный уклад повседневной жизни и трудовые стратегии как его часть. Устойчивость их жизненного мира даже в условиях таких глобальных трансформаций, какие сейчас переживает РФ, поражает воображение. Люди всячески стараются избегать новшеств в организации повседневной жизни и в максимальной степени сохранить свои жизненные проекты, сформировавшиеся еще в советское время. Но ситуация такова, что это удается только меньшинству. Основная часть наших информантов была вынуждена ответить на "структурный вызов" расширением практик всевозможного "совместительства", и это предопределило изменение привычной повседневной жизни. Таким образом, новый общественный порядок постепенно видоизменяет организацию повседневной жизни "советских специалистов", навязывая им рыночные модели поведения. Какую конкретную форму примут эти модели -- вопрос, требующий дальнейшего изучения. Он очень важен, так как от глубины понимания трансформационных процессов, происходящих на уровне "простого советского человека", зависит и наше понимание общих (системных) направлений трансформации российского общества.

[1] Статья использует материалы совместного проекта ЦНСИ и Магдебургского университета, осуществленного при поддержке Deutsche Forschungsgemeinschaft с апреля 1999 г. по сентябрь 2000 г. Целью проекта было исследование изменений в организации повседневной жизни представителей шести массовых профессий (военные, врачи, инженеры, ученые, учителя, чиновники). Участниками проекта было взято 90 проблемно-ориентированных интервью (по 15 от каждой профессиональной группы).

[2] Бурдые Л. Начала. Москва: Socio-Logos. 1994. С. 41.

[3] См., например: *Левада Ю. А.* Советский простой человек. 1993.

[4] *Магун В.* Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе // Социологические чтения, выпуск 2, Москва: ИСПАН, 1997. С. 135.

[5] Там же. С. 136.

[6] Там же. С. 137.

[7] См. напр.: *Леденева А.* Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост) советская корпоративность? // Pro et Contra. Осень. 1997. С. 113#124; *Lonkila M.* Social Network in Post-Soviet Russia: Continuity and Change in Everyday Life of St. Petersburg Teachers. Helsinki: Kikumora publications, 1999.

[8] Например, *Марина Шабанова* отмечает, что "высокие темпы социальных перемен, которые населением воспринимались как крах, крушение привычных основ жизни, определили вынужденный характер новых стратегий поведения ..." (Шабанова М. Социальная адаптация в контексте свободы. // Социологические исследования. № 9. 1995. С. 85)

[9] *Клопов Э.* Вторичная занятость как форма социально-трудовой мобильности. // Социологические исследования. № 4. 1997. С. 29#45; *Хибовская Е.* Вторичная занятость в разных секторах экономики // Экономические перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень мониторинга ВЦИОМ. № 3. 1996.

[10] Нередко основная работа, являющаяся главным образом местом хранения трудовой книжки, приобретает по ряду показателей характер вторичности, дополнительности (например, по уровню доходности, затратам времени, значимости), а вторичная занятость по сути становится основной (*Варшавская Е., Донова И.* Вторичная занятость населения // Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям перехода к рыночной экономике в России / Под ред. Кабалиной В. и Кларка С. Москва: РОССПЕН. 1999. С. 115).

[11] *Struik R., Angelici K.* The Russian Dacha Phenomenon. // Journals Oxford Ltd, Housing Studies, Vol.11, No. 2. 1998. P. 237#238

[12] Рост масштабов натурального семейного производства сам по себе свидетельствует о сужении возможностей зарабатывать на жизнь. В отличие от некоторых исследователей мы считаем это не адаптацией, а способом выживания в условиях кризиса. В С.-Петербурге, например, доля натуральных доходов в средней структуре потребления -- 1,6 процента (Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: коллективная монография / Под ред. Иоффе А. 1998. Москва: Московский центр Карнеги. С. 58)

[13] *Балабанова Е.* Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии "негативной адаптации" // Социологические исследования. № 4. 1999. С. 46#57.

[14] *Ионин Л.* Диффузные формы социальности (к антропологии культуры) // Социологические чтения, выпуск 2, Москва: ИСПАН, 1997. С. 70.